

6.

Рецензии

Алексей Глухов

Ответ на рецензию Алексея Романова¹

ALEXEI GLUKHOV

AN ANSWER TO ALEXEI ROMANOV'S REVIEW.

ABSTRACT. The paper is an answer to Alexei Romanov's review of the author's book *Overlapping Waves. Political Logic of Plato and Post-Nietzschean Overcoming of Platonism* (2014). The review has been published in the *Platonic Investigations*, Vol. I (2014).

KEYWORDS: Plato, Platonism, Platonic studies, criticism.

Я необыкновенно благодарен Алексею Николаевичу Романову за подробный анализ моей книги² и за благожелательные критические замечания. Уже само прочтение объемного исследования требует значительного читательского труда, но стремление разобраться в чужой непривычной интерпретации знакомого материала требует несравненно большего — открытости новому, а это редкое качество. В особенности я хотел бы отметить великодушные уважаемого критика, который предпочел указать мне на некоторые досадные промахи в личной беседе, оставив их без упоминания в журнальном отзыве.

Однако иной раз проще признаться в наличии упущений, чем в очередной раз пытаться разъяснить вещи, представляющиеся

© А.А. Глухов (Москва). alexeigloukhov@gmail.com. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

¹ Романов 2014.

² Глухов 2014.

самому очевидными. По-видимому, нужны какие-то новые аргументы, потому что даже толстого тома с прежними рассуждениями оказывается недостаточно. В этом состоит парадоксальный вызов жанра ответов на рецензии: в немногих словах представить более убедительные доводы, чем на многих страницах.

Осознавая этот вызов, отвечаю выборочно. Во-первых, умножение аргументов не только не приносит желаемого результата, но и создает превратное впечатление, будто предлагаемый ход мысли слишком запутан и непрогляден. Во-вторых, в такой ситуации помогают скорее не новые доводы, но перераспределение читательского внимания. Если выделить ключевые моменты, то, ориентируясь на них, читатели Платона смогут при желании самостоятельно обнаружить в корпусе его сочинений необходимые подтверждения.

1. Главный камень преткновения — это мой тезис о том, что в платоновских текстах встречаются две логики мышления. А.Н. Романов спрашивает:

Действительно ли в диалогах мы находим две эти «логики», «волновую» и «репрезентативную», или нам это только кажется?³

Вопрос о кажимости не совсем тривиален. Объемное видение доступно лишь для стереоскопического зрения. Если вы закрываете один глаз, видимое пространство лишается объема. Значит ли это, что объем «нам только кажется»? Это напоминает ситуацию в современном платоноведении, где одна школа мысли призывает нас закрыть левый глаз, а другая — правый, тогда как мое прочтение претендует на аналогию с объемным видением. Сегодня в отношении платоновского текста можно выделить четыре возможные читательские позиции: наивное прочтение, игнорирующее сложившиеся в философии 20 в. тенденции, аналитическое прочтение («анализ»), континентальное прочтение («интерпретация») и, наконец, предложенное мной прочте-

³ Романов 2014: 490.

ние, отдающее отчет в политическом использовании конкурирующих логических стратегий, — этот философский подход я называю политической логикой. У каждого из этих прочтений есть свои достоинства. Так, наивное прочтение до некоторой степени спасает живое восприятие текста от школьного догматизма. Бесмысленно, если не преступно, лишать студентов младших курсов возможности непосредственного знакомства с платоновским текстом и вместо этого жестко ориентировать их на образцовые прочтения, будь то статья Г. Властоса или М. Хайдеггера. Но наивное прочтение со временем неизбежно изживает себя, сохраняясь разве что в среде филологов, не выделяющих философский текст на фоне прочих форм античной литературы. Родственный этому тип исследования — историко-философский, который, как это ни парадоксально звучит, нередко оказывается способен игнорировать философию, даже занимаясь ее историей. О наивности такой позиции уже вряд ли можно говорить, поскольку изоляция мысли от ее генеалогии — это вполне отчетливая философская установка, пусть и неосознанная; она характерна для аналитической школы. Историк философии в этом случае занимается уточнением мелких подробностей на полотне, общий вид которого догматически заимствуется из современной мысли. Причина методологической слепоты историка дисциплины рационально объяснима. Он считает, что существует единственно возможный взгляд на философию, представленный в успехах современной аналитической школы; философия развивается поступательно, и современная мысль унаследовала все лучшее из достижений предшествующих эпох. Отбраковывая в платоновских текстах все несущественное, историк философии, по его мнению, не теряет ничего важного в них, с точки зрения философии. После этой операции платоновская философия предстает даже в улучшенном виде, позволяющем сопоставить ее с современными результатами. Более того, якобы, выигрывает даже сам Платон, поскольку его частный вклад в общее дело становится измеримым. Конечно, скажет такой историк, Платон был не Витгенштейн, но

все-таки определенный список заслуг у древнегреческого автора есть, причем этот перечень необходимо восстанавливать в памяти каждый раз, когда мы вспоминаем об античном философе. В этом уточнении списка заслуг, а на самом-то деле списка недочетов древнего автора по сравнению с нормами современной мысли, и заключается смысл историко-философской работы. (Здесь уместно сослаться на замечание уважаемого рецензента, что в моей интерпретации пропущена одна существенная подробность, а именно — указание на то, что Платон изобрел «метод»⁴.) Я хочу обратить внимание на типичность этой ситуации в рамках аналитического платоноведения, потому что сторонники этой школы нередко предъявляют мне аналогичный упрек, не отдавая себе отчета в том, как устроена их собственная деятельность. С их точки зрения (а не моей), вклад Платона в развитие философии определяется в согласии с тем, насколько его мышление отвечает принципам, которыми руководствуется современная философия. Я всего лишь даю этой группе принципов имя — логика репрезентации. Если нечто существует, пусть и без имени, то акт именованья отнюдь не превращает факт существования этого нечто в кажимость, но открывает возможность для его осмысления. То же самое, с точностью до зеркальной симметрии, относится и к адаптации в моем исследовании такого понятия, как логика различия, восходящего к группе догматических установок, которыми руководствуются в своих интерпретациях представители континентальной школы.

Итак, наивное прочтение со временем изживает себя, а не наивное прочтение обуславливается, явно или подсознательно, современными философскими тенденциями. Отличие моего исследования состоит в том, что, во-первых, тайная власть современных философских школ над нашим прочтением Платона делается явной, во-вторых, мы дистанцируемся от догматизма школ, каждая из которых утверждает свою собственную логику, исключая альтернативный взгляд. Второй из этих двух решающих

⁴ Романов 2014: 498–499.

методологических моментов теперь нуждается в более подробном объяснении.

Поначалу отказ от догматизма, установившегося в философии 20 в. в результате соперничества двух ведущих школ мысли, кажется бессмысленным капризом. Иначе и быть не может, поскольку понятие смысла, к которому мы обращаемся, также заимствуется из господствующих моделей мышления. Для одних смыслом обладает только установление объективной истины, и на этом основании некоторые критики отказывают моему исследованию в научности. Разумеется, мой встречный вопрос о том, какие именно слова в платоновском корпусе соответствуют понятию «объективная истина», что оправдывало бы такой подход к его прочтению, воспринимается в этом случае как парадокс или насмешка. Для других смыслом обладает лишь борьба с условным «платонизмом», под которым понимается репрессивная форма мышления, доминирующего в истории на протяжении тысячелетий. В этом случае сама попытка обратиться к тексту Платона в поисках ответа на вопрос о свободе кажется крайней формой абсурда. Поэтому стимул для антидогматического прочтения Платона поначалу также обнаруживается в философской проблематике современности. Несмотря на развернутые претензии на исключительное обладание смыслом, соперничающие философские школы настоящего оказываются неспособными вести осмысленную речь о достаточно простых вещах, которые, казалось бы, должны быть доступны даже большинству непрофессионалов. Например, о том, что такое свобода и справедливость. Несомненно, всякого, кто выдвинет подобное утверждение, представители школ немедленно обеспечат подборкой литературы. Однако даже представители школ не способны игнорировать то, чем каждая из традиций гордится и считает своим успехом, а вовсе не упущением. В аналитической традиции успехом считается отказ от рассмотрения «позитивной» свободы. После И. Берлина аналитики понимают свободу негативно как не-вмешательство или не-господство, позитивная же свобо-

да приравнивается к произволу и исключается из рассмотрения⁵. В континентальной традиции не меньшим успехом считается отказ от рассмотрения «дистрибутивной» справедливости. Конечно, представители этой школы размышляют о справедливости как судьбе, что приводит к терминологической двусмысленности. Но справедливость как рационально обоснованная система распределения социальных ролей или совокупность законов исключается из рассмотрения. Таким образом, ни одна из этих двух школ не способна вести осмысленную речь одновременно о положительной свободе и о распределительной справедливости, причем обе школы причисляют это парадоксальное положение дел к своим важнейшим достижениям.

Моя роль в установлении этого историко-философского обстоятельства крайне незначительна, достаточно обратить внимание на очевидное. Но в результате внимание к платоновским текстам приобретает независимую осмысленность, которой его лишают представители философских школ. Что если невозможность содержательной речи о вещах, с которыми человек сталкивается в повседневной жизни, определяется уже самой логикой мышления? Что если обратиться к текстам одного античного автора, который, по мнению его современных квалифицированных читателей, неразборчиво прибегает к конкурирующим формам мышления? По счастливой случайности, наш автор был политическим мыслителем, он размышлял о свободе и справедливости, а значит, вероятность встретить в его текстах соответствующие пассажи увеличивается. Такая отстраненная и нейтральная по отношению к Платону исследовательская гипотеза, для выдвижения которой достаточно здоровой доли критического мышления, перерастает в подлинный философский интерес к его творчеству, когда выясняется, что рассматриваемый тип высказываний не просто встречается в платоновских сочинениях, но является для него ключевой проблемой, решению которой посвящено и центральное сочинение — «Государство».

⁵ Berlin, Harris 2002.

Мои формулировки, конечно, относятся к типичным случаям. Кроме того, сложившаяся в философии 20 в. констелляция подвержена влиянию времени. Все чаще встречаются исключения из описанной мной ситуации, среди которых нужно отличать примеры наивного чтения, не отдающего себе отчет в предпосылках собственного мышления, от сознательных философских попыток преодолеть устоявшиеся взгляды.

2. Одна из претензий, которую мне предъявляет уважаемый рецензент, состоит в том, что я обхожу стороной в своем прочтении Платона все то, что «связано с каузальной проблематикой, то есть с проблематикой философии как искусства-метода». «Кажется невероятным, как можно не замечать того, что делает философию философией!»⁶

Ответ на эту претензию очень прост: нет ничего невероятного в том, что совершается намеренно. После того, как прояснилось, что читать Платона сегодня значит преодолевать догматизм двух философских школ, перед исследователем открываются две возможности. Поскольку существует ровно два несовместимых языка, на которых описываются политические и этические проблемы, неизбежно приходится прибегать к одному из них. Приходится опираться либо на аналитический, либо на континентальный подход, но лишь для того, чтобы показать недостаточность любого из них для прочтения платоновского текста. Моим решением было обратиться к континентальной (постницшеанской) традиции в силу двух причин: во-первых, я более компетентен в ней, во-вторых, ее политическое значение ярче выражено. Однако, как об этом было сказано в книге, я вполне допускаю возможность альтернативного выбора, приводящего к тому же результату:

Теоретически возможны два варианта действий: 1) ориентируясь на рамочную аналитическую политическую теорию, проанализировать описываемую Платоном в «Государстве» справедливую политическую репрезентацию и

⁶ Романов 2014: 495.

объяснить смысл встречающихся в ней аномалий как ответов на проблему свободы; 2) ориентируясь на осмысление «политического» в постницшеанской логике, выявить в сочинениях Платона момент перехода от утверждения аномальной свободы к справедливой репрезентации политического многообразия⁷.

К слову сказать, любопытный образец реализации первой стратегии представляет, на мой взгляд, исследование С.Д.С. Рива⁸. В своем отзыве на второе издание этой книги Дж.Р.Ф. Феррари указывает, что, в отличие от типичного платоноведческого труда (очевидно, относящегося к аналитической традиции), от которого читатели ожидают перечня ошибок Платона, Рив стремится показать внутреннюю согласованность аргументации «Государства». Это удается автору за счет введения в аналитическую оптику элементов, связанных с логикой различия. Так, например, в отличие от Дж. Аннас, автора влиятельного ортодоксального «Введения» в этот платоновский диалог⁹, Рив всерьез допускает наличие между людьми несовместимых различий в понимании своего блага, в результате чего платоновская постановка проблемы справедливости во II книге «Государства», наконец, получает смысл, которого его лишала предшествующая традиция. Но этот читательский прорыв отчасти объясняется гибридной методологией Рива, в которой логический анализ высказываний сочетается с элементами гегелевской диалектики. В то же время этот ученый сохраняет верность аналитическому направлению, понимая философское знание как научное и не обращая серьезного внимания на то, что не укладывается в представления о научно-значимом содержании текста.

Поскольку мой осознанный читательский выбор состоял в опоре на континентальную школу политического мышления, то становится понятно, почему вопросам каузального объяснения и

⁷ Глухов 2014: 92.

⁸ Reeve 1988.

⁹ Annas 1981.

т.п. в предложенной интерпретации не уделяется положенного внимания: дело в том, что они не играют никакой роли (помимо репрессивной) в самой опорной традиции.

3. У меня, к сожалению, нет возможности ответить на все частные вопросы, поставленные в рецензии А.Н. Романова. Многие из них имеют риторический характер, и это несколько настораживает, поскольку уважаемый рецензент, по-видимому, предполагает, что в платоноведении остались еще незабытые позиции, не нуждающиеся в защите и оправдании. На мой взгляд, таких позиций не существует, и чем скорее каждый исследователь отдаст себе и другим отчет в философских основаниях своего собственного прочтения, тем яснее и осмысленнее станет профессиональное общение. В заключение я отвечаю на вопросы по интерпретации диалога «Горгий».

Конечно, верно, что «Горгий» — это диалог о риторике, но также это диалог о Горгии, о Поле, о Калликле и о Сократе, а также о том, как встретились афиняне с приезжими софистами и т.д. Моя интерпретация выделяет всего один аспект сочинения, существенный в рамках моего исследования. Уважаемый рецензент считает банальностью напоминание о том, что Калликл не обладает свободой. При этом причина и следствие, претензия и опровержение в рецензии каким-то образом совмещаются. Не успел Калликл заявить о своей свободе, как он уже опровергнут сократовской диалектикой, которая выступает как всепоглощающий поток, уничтожающий малейшие побеги неподконтрольной активности. И если уважаемый рецензент с удовлетворением констатирует, что в отличие от Калликла «Сократ, напротив, выступает как сторонник сдержанности и порядка»¹⁰, то философ Ж. Делез, представитель континентальной школы, обвиняет Сократа в репрессии спонтанности и свободы. Там, где уважаемый рецензент обнаруживает успокоительное решение, я, прибегая к методическому постнищенскому сомнению, вижу политическую проблему, которую и пытаюсь решить в своей интерпрета-

¹⁰ Романов 2014: 493.

ции. Таков уж мой метод, сформулированный еще в первой главе и последовательно проводимый через всю книгу. Отказываться от него в разделе, посвященном диалогу «Горгий», не было никаких причин.

О свободе слова здесь говорят все собеседники, включая Сократа, который замечает не без иронии, что в Афинах предоставляется самая широкая свобода слова во всей Элладе (461e). В отличие от Сократа каждый из трех его основных собеседников утверждает в свою очередь, что лишь он обладает полной свободой слова. Именно с этим заявлением каждый из них вступает в беседу, а последующее крушение претензии на свободу слова означает в каждом из трех случаев выбывание из разговора. Лишь Сократ в итоге утверждает свою свободу, о чем свидетельствуют даже формальные обстоятельства, ведь существенный фрагмент финальной части представляет беседа философа с самим собой, при которой молча, лишившись свободы слова, присутствуют бывшие претенденты. На мой взгляд, все эти моменты невозможно исключить из прочтения, как и нельзя согласиться с уважаемым рецензентом, что тема свободной речи несущественна для этого диалога.

Как практически решается проблема свободы и справедливости в «Горгии», достаточно очевидно: Сократ, не стесняемый более неудачливыми соперниками, использует свободную речь для утверждения справедливой картины мира. Философское решение сложнее, и для его экспликации удобно прибегнуть к описанной мной борьбе двух логик мышления, у которых в диалоге (и в интеллектуальном словаре соответствующей исторической эпохи) обнаруживаются вполне аутентичные аналоги — рассуждения двух соперничающих типов — «по природе» и «по закону». Кроме того, полезно учесть еще одну несоизмеримую пару — Пола и Калликла. К сожалению, я с опозданием заметил это обстоятельство и поэтому не упомянул о нем в своей книге: это единственные персонажи в диалоге, которые не общаются между собой лично; своеобразным посредником между ними оказыва-

ется Херефонт. Я объясняю это тем, что Пол и Калликл говорят на разных языках и неспособны понять друг друга. Пол общается с Сократом на языке геометрии, тогда как с Калликлом Сократа связывает общность иного рода — они оба переживают состояние влюбленности. Языки геометрии и любви соответствуют логикам репрезентации и различия. Отличие Сократа-философа состоит в том, что он владеет обоими способами выражения. В этом, кстати, философа упрекает Калликл, обвиняя его в логическом мошенничестве, ведь, с точки зрения Калликла, достойный человек рассуждает лишь «по природе», иными словами, на языке любви и свободы, в логике различия. Из несовместимости двух логик Калликл делает вывод о неизбежности и желанности несправедливой жизни. Сократ отвергает этот вывод, но не потому, что порядок для него дороже свободы, но потому, что вывод Калликла философски просто ошибочен. Свобода, связанная с достижением своего блага и реализацией уникального желания, никак не вступает в конфликт с общезначимыми установлениями конвенциональной справедливости. Уникальное и регулярное нигде не пересекаются, при условии, что уникальное действительно уникально. Проблема Калликла поэтому состоит отнюдь не в репрессии со стороны разума, как думал Делез, а в неспособности обрести действительно необычное желание. Все желания, которые Калликл называет в диалоге, банальны и пошлы.

На мой взгляд, это вполне доступное и рациональное изложение «моральной философии» Сократа. Ранее такой же ответ на сформулированную выше проблему был представлен в книге, но, судя по замечанию уважаемого рецензента¹¹, мое решение можно воспроизводить многократно без особой надежды на понимание. Объясняется это, конечно, тем, что от меня ожидают ответа совсем на другой вопрос. В свою очередь это объясняется систематическим несовпадением в философских предпосылках, различным пониманием того, что «делает философию философией». В своем исследовании я постарался прояснить, почему такая ситуа-

¹¹ «Согласимся, не такого ответа мы ждали» (Романов 2014: 497).

ция не только встречается, но и господствует в современном платоноведении, и какие варианты осмысленного прочтения сочинений древнегреческого философа она для нас открывает.

Литература

Глухов 2014 — Глухов А. Перехлест волны: Политическая логика Платона и постницшеанское преодоление платонизма. Москва: НИУ ВШЭ, 2014.

Романов 2014 — Романов А. Апология Платона Алексея Глухова: рецензия на книгу Алексея Глухова «Перехлест волны. Политическая логика Платона и постницшеанское преодоление платонизма». М.: ВШЭ, 2014 // Платоновские исследования. Вып. I / Ред. И.А. Протопопова и др. М.-СПб.: РГГУ-РХГА, 2014. С. 486–502.

Annas 1981 — Annas J. An Introduction to Plato's Republic. Oxford: Clarendon Press, 1981.

Berlin 2002 — Berlin I., Harris I. Liberty: Incorporating Four Essays on Liberty. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Reeve 1988 — Reeve C.D.C. Philosopher-Kings. Princeton: Princeton University Press, 1988.